П. ИРТЕЛЬ

СТИХИ

"Les Editeurs Réunis"

П. ИРТЕЛЬ

СТИХИ
1929 - 1935
И
ПОЗДНИЕ СТИХИ
1979

А. АХМАТОВОЙ

Быть тобой замученным совенком,
Изойти, вдыхая аромат
Имени в предначертаньи звонком
У тебя похищенных цитат.

Помнить очерк в медальоне темном
Петербурга шелковых портьер,
Поэтесс, поэтов жадным сонмом
Унесенный в сладость лучших сфер.

Ты молитвы дай нам за любивших,
За отвергнувших несытый взгляд,
И за всех невольно изменивших
Глупых неприрученных совят...

23. 8. 31
Ревель

СВЕТЛОЙ НОЧЬЮ

Пасхальной весны бестелесная ночь.
Сиреневый купол над дымкою рощи.
Пасхальная, нежная, чуткая ночь,
И первый росточек, сконфуженно тощий.

Над рыжим болотцем в дупляную мглу
Глядит суетливо весенняя птица.
Глаголет пустыня и в дальнем углу
В зеленые ризы украдкой рядится.

Пасхального звона над городом гул.
Волшебно певучи в ночи колокольни...
И в гомоне люда смешно потонул
Мой вздох сожаленья о чем-то невольный.

2. 4. 33
Ревель

Чудесно рассуждать о Боге
Осенним раззолоченным днем,
По солнцу, по большой дороге
Шагать непринужденно вдвоем!

Сознание светло и ясно,
Сливается со всем бытия,
И в мышце ритм, и чувство властно,
И в духе гордость высшего Я!

И все как в старину! Ты рядом!
Любуешься багряной листвой,
Лукавым ободренный взглядом
Я повторяю снова я — твой!

Так будет! — я шепчу на образ,
Где синие Христовы глаза
Диктуют правду... Ты не добрый!
Как светлячок, упала слеза.

Той ночью колебался разум.
Осенний дождь шумел за окном.
Вся жизнь трагическим рассказом
Мне долго вспоминалась потом.

22. 10. 31
Ревель — «НОВЬ» 7.

Где-нибудь за звездами, в пространствах,
На беззвучных пажитях планет,
В сновидениях и звонах странных,
Где ни смысла, ни печали нет...

Где-нибудь в толпе, средь разговора,
В очертаниях столь многих лиц,
В шуме ветра над вершиной бора,
В хищном кличе быстролетных птиц...

Где-нибудь в сомнениях душевных,
В затаенной сердца глубине,
Где ни ласки, ни укоров гневных
Рок не бросит, как перчатку, мне...

7. 1. 34
Ревель

НА ДАЧЕ ВЕЧЕРОМ

Стакан парного, пахнущего стойлом молока.
Вечерний трепет листьев на осине.
Гонимые на запад грозовые облака...
Так родилось и так, как было, минет.

Я думаю о женщине, принесшей молоко,
Слежу качанья черенков осины —
Все налицо знакомое, но мысли далеко,
И я тоски не ведаю причины.

29. 7. 31
Ревель-Тюрисаль

«НОВЬ» 6-1934
ко Дню Русской Культуры

Утро прохладное, робкое, раннее.
Спят петухи по дворам.
Поле в тумане, серебряным пламенем
К дальним уходит буграм.
Ветра ночного смущенные ласками
Травы покрылись росой.
Рдеет болотце за кочками вязкими.
Мох, что ковер — я босой
В травах ступаю, растрепаны волосы,
Воздух вбираю, как мед,
Слышу по памяти отзвуки голоса,
Лик твой в сознаньи встает.
Все, что воспринято, вместе исхожено,
Что питало обоих печаль,
Ветром мешается в мыслях о прожитом,
Вечно несущимся в даль...

8. 7. 29
Ревель

Здравствуй, Красное море, акулья уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!

(Гумилев)

Здравствуй, солнце весеннее, радостный май,
Голубые просторы над дымом полей!
Нараспашку пальто, теплу шапку сымай
И рукой волоса растрепи веселей!

4. 5. 29
Ревель

В ЗАРУБЕЖЬИ

Упорный, точный шаг времен
За годом год, равняется и мимо —
По камню площадей,
Все в ту же даль, и в тот же сумрак, под уклон.
Куда досужий рок неумолимо
По-прежнему стремит беспомощных людей.
Мелькают дни, чредой неверной, торопливой,
Ничем восторженным не скрасив нищеты
В судьбе изгнанника, такой самолюбивой.
Не радуют ни солнце, ни цветы,
Ни звонкий поцелуй, подаренный красоткой.
Мне больно слышать гул толпы,
Спешу вдоль стен крадущейся походкой...
О, как наивны и слепы
Мои соседи добрые, в их честной простоте,
Когда я кину взгляд, приниженный и кроткий,
Застигнутый врасплох в болезненной мечте.
О, как мне чужды те,
Когда усталый, бледный
Вернусь к себе домой, в свой угол бедный,
И там увижу кучку старых книг:
В моих страданиях какой счастливый миг!
Измученный физическим трудом
Я силы нахожу зажечь огонь, валюсь ничком
На сбитую постель и ночи напролет
Безумствую над «Бесами», как Отче Наш
твержу «Полтаву»
И нет усталости! — Возвышенный полет
Живит сознанье, кровь кипит, и славу
Читаю с гордостью страны родной!

О, нет, не сгину я, не растворюсь в чужбине:
За мной предание, приверженность к святыне,
Вся боль земли истерзанной за мной —
Я сын своей очизны!
О, если б доказать и воплотить...
Но, Русь грядущая, не дай мне омрачить
Твое чело печатью укоризны!

5 мая 1932 — День Русской Культуры
«НОВЬ» 4.

В переплете теневом окна
Лунный сон — сиреневая влага.
Скрипка заглушенная слышна:
Радиоконцерт «Кубелик-Прага».

Градусник скользнул на минус десять.
Серебрится в очертаньях снег.
Срок придет: деянья наши взвесят,
Примет все положенный пробег.

Выбиты судьбой из колеи,
Без надежды, мы бредем вслепую,
Внуки и сыны родной земли,
Обреченные на роль любую.

Ревель, 1933

СОБОР СВ. СТЕФАНА В ВЕНЕ

(Из путешествий)

Торговый Вавилон и зеркала витрин,
В нарядной суете шмели-автомобили,
И высящийся в небе черный исполин!
Твою ли славу современники забыли?
Свидетель пламенных средневековых дней!..
Костры... масоны... ереси и мир камней:
Готическое кружево из дуг и линий,
Откосы строгих стен, колонны и зубцы,
И по фасаду безыменные отцы,
А надо всем — зенит, далекий, вечный, синий!
Благим безмолвием над ложем древних плит
Там серебро луны под сводами царит.
Преломится заря в сапфиры и рубины
Над грустным обликом Марии Магдалины
И пылью нежною обвеет алтари,
И мраморы и холст, таблицы и лари.
Молитвы страстные в жестокие годины,
И робкий шепот уст, и сгорбленные спины,
И месса пышная под голоса органа —
Все помнят гармонично недра великана,
Все воплотили стены, темь и письмена.
В тени лепных оград, с мозаики окна
В неведомую глубь крадется робкий взор
И зрит, как тайною овеянный собор
Растет и высится, и чудится, громада
За рубежи ушла, лишь мирная лампада
По дугам потолка вдруг вспыхнула звездой.
О, благость слез, мечты и мысли молодой!

Апрель 1933
Ревель — в «НОВИ» ко Дню Русской Культуры

Белой ночи сон на башнях.
Белой ночи стук по плитам.
Небо тускло и не страшно,
Чинно следует орбитам.

В дреме стены и бульвары.
Серебрится куст на склоне.
Силуэт пугливой пары
В нише прячется и тонет.

То купырь сплетает сети,
Манит в призрачные страны.
Руки девичьи, что плети,
Обовьют и не устанут.

1934
Ревель, «НОВЬ» 7.

ДРЕВНЕЕ

Ант. Ладинскому

Под ветром и пылью,
По белым камням,
За песней и былью
— к именам!

О, трезвые числа,
И надпись — музей...
От слов Гостомысла
И славы князей

Остались нам плиты,
Да пыль на венок,
Да тень от ракиты,
Да утлый челнок.

А ворон и кречет
В архивы сданы,
И стали по речи
Мы так холодны.

Хоругви и шлемы
Не грезятся нам,
Как сильные темы
К достойным стихам.

У женщины нищей
Гадаем свой путь,
Без крова, без пищи,
Все так — как-нибудь.

1935
Ревель — «НОВЬ», 8,
ко Дню Русской Культуры

ИЗ ДЕТСКИХ ЛЕТ

Мама учила меня молиться
За папу, за маму, за то, чтобы Бог
Помог мне любви учиться
На всяком стыке дорог.
Мама крестила глаза большие,
Следившие жадно за быстрой рукой,
Видела в них огоньки чужие:
    Молю Тебя — упокой!
Ангелы реяли над кроваткой,
Следили движенья пухленьких губ...
    В жизни любовь была гостьей краткой —
    Мой вызов девушкам груб.

18. 11. 31
Ревель

Нянюшка, няня, еще расскажи:
Жил-был у бабушки серенький козлик!..
Голос настойчивый магараджи!
Звери, игрушки рассыпаны возле.
В шторах сломились лампадки лучи.
Первую сказку твержу наизусть,
Вечное слышу в размерной речи,
В диком испуге себе признаюсь.
Нянькин наивный затверженный сказ
Будит желанье навзрыд разрыдаться:
С алой лампады доверчивых глаз
Мальчику в жизни свести не удастся.

18. 11. 31
Ревель

У ЕЛОХОВСКОЙ ЦЕРКВИ

Мальчиком шалил я подле церкви.
Унимала няня драчуна:
«Батюшка Христос таких не терпит».
Я мячом нацелюсь в тень окна —
Там в чугунно-стрельчатом узоре
Золотые солнышки святых
Окунались по череду в море
Ладанов тяжелых и густых.
Вылезала нищенка на паперть.
Галки вдруг шумели на кресте...
Теребя обеденную скатерть,
Ставил я вопросы о Христе.
Но казалось скучным поученье.
Ночью я садился на постель,
И в картинах мне воображенье
Рисовало будущую цель.

18. 11. 31
Ревель

ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

Догорели на елке последние свечи,
И в гостиной вдруг стало темно.
Вспоминали... и смолкли и шутки и речи.
Улыбалась нам полночь в окно,
Мириадами звезд золотых заглянула
И так нежно коснулась души,
Так легко сокровенное в нас всколыхнула,
Что минутой казалось в тиши —
Мы уловим далекие детские грезы,
Дорогие услышим шаги,
И склонится вдруг мама, и брызнут вдруг слезы,
И щекою коснется щеки...
Позабыто давно, а ведь живо как было,
Увлекало в канун Рождества.
Но, не дрогнув, младенчество нам изменило,
Начертало иные слова...
Что безмолвствуют в сон погруженные ветви,
Смоляным и далеким дразня?
Наколдуют мне ряд неожиданных бедствий,
Или счастьем одарят меня?

16. 12. 29
Ревель

Вечером предстану образам
И в рубиновом стекле лампады
Жертву сотворю большим кругам,
Где мерцают дальние Плеяды.

В щели ставень улыбнется ночь.
На коленях вздрогну от волненья,
И, взрываясь, разлетятся прочь
Колебанья, страхи и сомненья.

Луч любви накинет на меня
Ризу кружевную из алмазов,
Фениксом восстану из огня,
Голубем евангельских рассказов,

Примиренный поклонюсь тебе,
Жрица, возвещающая Будду
Златом соблазненной голытьбе,
Жадно аплодирующей чуду.

25. 9. 31
Ревель

(Больной А. И.)
в клинике

Над шептавшей слабым лепетом
Бледной девочкой в постели
Вечер крылья развернул
И, смущенный белым трепетом
Вихрем пляшущей метели,
Ручкой тоненькой взметнул,
И снежинки хороводами
Потянулись к изголовью,
Прошептали чуть дыша:
За недужными невзгодами
Обновленною любовью
Раскрывается душа.
Отдохнешь ты в грезах солнечных
О несбыточно чудесном
И заманчиво святом,
Что дрожит на гребне волн ночных,
Чуть родится в поднебесном
И откликнется в земном.

24. 1. 29
Ревель

ОСЕНЬЮ

Листки случайные забытого блокнота,
Попытки творчества и записи тревог...
Вот осень ясная — идти в поля охота,
Где стих рождается и четкий в рифмах слог.

Я чувствую в себе опять прилив задора,
И с прежней силою влечет она меня,
Будь солнце или ночь, все та же даль простора
И сырость над рекой и пряная земля.

12. 9. 29
Ревель

МОЯ МУЗА

Вечером приходит она,
Тихо станет против окна,
В черном вся, монахини вид,
Руки сложит, так говорит:
Вечером к поэту приду,
Твоему молиться труду,
Твои радости буду делить,
Твои мысли в строки ловить,
Твои грезы в плоть облекать,
Тебя слушаться и молчать...
Быстрый взгляд по комнате всей,
Тенью ближе, голос теплей:
Я твой сон в цветы уберу,
Птицей вещей кликну в бору,
Слово-ключ тебе передам
К сладким песням, звучным стихам,
Новые ритмы уловишь в них ты
Неизъяснимой досель красоты...
Руки вскинет над головой,
Дальний голос, будто чужой:
Подвига не требует Бог.
Будь лишь в творчестве строг,
Будь свободен в мыслях своих,
Как учитель, вестник и мних...
В светлом круге тает она —
Ночь — один — пишу — тишина.

4. 11. 31
Ревель

Ты веселость потерял;
Ты, такой веселый прежде,
Ты молиться перестал,
И в отрепанной одежде
Ты пришел ко мне в надежде,
На мою постель склонясь,
Уловить возможность снова
Прочитать в улыбке глаз
Светлой памяти былого
Ободряющее слово.

Ты молчишь, в ответах скуп.
Что прочту за легкой складкой
Неподвижных тонких губ?
Или ночью ты украдкой
Обновишь мечтою сладкой
Обольстительную сень,
Увлечешь меня, и нежно
Я шепну: настанет день,
Головой встряхнешь небрежно
И взлетишь, шумя крылами,
Над оградами могил,
И счастливыми годами
Все постигнешь, что любил.

4. 11. 29
Ревель

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Обитатели домика спали давно.
Мы скользнули за тени дерев,
И казалось нам все беспричинно смешно,
И созвездий в ночи золотое руно,
И полей и лесов перепев.

Силуэты наметанных копен в лугах
Подымались в тумане ночном.
Пролетала сова на бесшумных крылах,
Порождая внезапный таинственный страх.
За холмом чуть несло ветерком.

Мы бежали, спешили на берег морской,
На высокий разбойный обрыв,
По кустам проводя шаловливой рукой
Опьяненные воздухом ночи такой
Мы ловили волшебниц призыв.

На песок выбегала игриво волна,
Отражая небесную твердь.
И спадала с плененной души пелена
И с полетом мечты подавляла она
Присносущую муку и смерть.

29. 7. 30
Ревель — Тюрисаль

ЛЕБЕДИ

В час вечерний над болотом, над опушкой сосняка,
Белой грудью выделяясь, налетая, удаляясь,
Озаренные лучами и вечерними огнями
Стройно лебеди на запад прорезают облака.

Шеи вытянув, как стрелы, птицы дальних
камышей
Каждый вечер за собою, будто властью роковою
Соблазняя, призывают и в призыве исчезают
В заревом калейдоскопе замирающих лучей.

Неизбывная тревога вызывает образ Бога
В бесконечных удаленьях, в лебединых белых
звеньях,
Уносящих вдохновенье за последнюю межу.
Ночь, я чувствую, с болотом тут обнимется,
бледна,
Обернется к Богу ликом и в смятении великом
Мне поверит тайну слова, тайну ропота земного,
Тайну песни лебединой, поэтического сна.

10. 8. 30
Ревель — Ризипере

ПАМЯТИ М. МЕТСАНУРКА

*(Председателя Эстонского
Союза Писателей)*

Утром осени прозрачной
В быстром беге человека
Мыслю вновь я чудеса:

То четою новобрачной
Гордо шествуют от века
Твердь земли и небеса,

То в одежонке невзрачной
Лишь мерещится калека,
Да фальшивят голоса —

Все не в лад, как ветер дунет,
Все не в тон, как дождь падет,
Лист гнилой в цветах подсунет,
Солнце с тучей поведет.

24. 10. 29
Ревель

В КРЕСТНОМ ХОДУ НА ПЕЧОРАХ

(Моему брату иеромонаху Сергию)

Предутренней влагой подернуты дали.
Проснулись леса за Печорами.
Черемухи снег по небесной эмали,
Черемухи мед по-над городом.

Играют на солнце Успенские главки.
Обедня отходит в обители.
Покинув на Господа избы и лавки,
На крестном походе все жители.

Горит в изумрудах удачная озимь,
Холмы растекаются в мареве.
Вороны кричат и кружат над навозом,
Вся пахота в розовом зареве.

По старым дорогам, по древнему краю
Толпится народ озабоченно:
Иконы с крестом на плеча подымают,
Ребята снуют по обочине.

В тяжелых окладах святыни над миром
Плывут колыханьями ровными,
А скопище баб в перепрыжку за клиром,
Что улей — стихами церковными!..

Часовни, погосты, колодцы и школы...
Обычаи чтя стародавние,
Пречистую Матерь со Спасом, Николу
Несут по полям православные.

За лесом встречают, проводят до пашни,
Земными ложатся поклонами,
Младенцев выносят, ворота распахнуты,
А церкви гудят перезвонами...

Старушка чудная, гляжу я, поодаль:
На облако шепчет, сгибается:
«И все-то Царица Небесная ходит —
Народ, вишь, блюдет, не умается!»

Март 1932. День Русской Культуры
«НОВЬ» 4

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Шумит и плещет на просторе
Ветрами осени взволнованное море,
    И бурые валы,
        Свергая водопады,
В звенящей пене брызг рокочут стих баллад
Рожденной блеском дня и ужасами мглы.
    Шумит холодное, обрывы омывая,
Ложится кружевом на слизанный песок.
    Накатится волна, за ней спешит другая,
Тучнеет, вздыбится, и свалится у ног,
    Дары из ракушек повсюду рассыпая.

10. 8. 30
Ревель — Тюрисаль

В белом сумраке пустынь
Ворожит и веет заметь.
Древней веры монастырь.
Дотлевающая память.

Двуязыкий лад псалма.
Плен и лепет бывшей скорби.
С отдаленного холма
Звон торжественный и гордый.

В черном стыке скал и льдин,
В заунывном кличе птицы,
За лампадою, один,
Поглощаю я страницы.

1934
Ревель

Боже крепкий, даровавый силу
Буре рвать столетние дубы,
И дубам сопротивляться буре,
Сам вдохнись в расслабленную жилу,
Утверди, восстави, воздыби,
Распали огнем Твоей лазури!..

Дай мне мужества разжать ладони,
Кинуть птицу в голубую высь.
Я вздохну — а там ударят крылья!
Боже сил неодоленной брони,
Исповеди тихой преклонись,
Дай молитве нового усилья!

Бог любви и страстного забвенья,
Снегом покрываяй дряблый лист,
Ты лучом взрываешь твердость льдины,
Сам переложи законов звенья —
Одолею, обновлен и чист,
Миру недоступные вершины.

22. 7. 31
Ревель

ЭЛЕГИЯ

Вечерний полумрак ложится на листы,
На книгу старую, открытую случайно,
И смутный очерк слов любви и красоты
Мирит меня со всем, что возмущало тайно.

Гляжу в окно: одна, обходит садик свой
Хозяйка древняя, коснется георгины
Трясущейся рукой, и я не молодой
Тревожу вместе с ней забытые картины.

Но боли в мыслях нет. Он ласков, этот час,
Когда читать нельзя, но ясны все предметы,
И ты ведешь свой сказ без фальши и прикрас
И сам себе простишь забытые обеты.

21. 7. 30
Ревель — Немме

Падает снег на притихшую сонную землю.
Путь окаймлен чередой оголенных дерев.
Бремя печали и скорбь мировую приемлю,
Дальней обители зов и молитвы напев.

Мысли текут без насилия мук или страсти.
Падает снег, и с ним падает звезд серебро.
Боль погребая забытых мечтаний о счастьи,
Исповедь тайных признаний пишет перо.

Ревель, 1933

К ВАЛААМУ

Зажжена лампада.
Одиноко. Тихо.
Не дано мне лада.
Все мятеж да лихо.

Пусть двоятся мысли
На черно — на бело.
Бытие без смысла.
И мечта без дела.

Не дойти до Бога!
Нет стыда, ни силы.
В пустырях дорога,
И следы не милы.

19. 9. 33
Гельсингфорс

В печальные ночи зимы
На лыжах в снега, на холмы...

В ненастье и шторм и туман —
Поэзии легкий обман.

В тревожный двоящийся миг
Глаголы божественных книг,

А в сумерек ласковый час
Спокойная повесть о вас...

1935
Ревель — «НОВЬ»
ко дню Русской Культуры

РАЗЛУКА

(Памяти Е. П. С.)

Мне представляется купе
Международного вагона,
Твой лик, потерянный, в толпе
Под сталью и стеклом перрона.

Гостеприимно города
Столетий обнажают клады,
Но ты замкнулась и горда,
И так же равнодушны взгляды.

Зачем несбывшейся мечте
Ты жертвуешь своим уделом,
И неизвестной нищете
Кидаешь вызов бренным телом?

Каким огнем опалена
На ветер расточаешь силы,
И чьих пророков письмена
Ты впишешь в памятник могилы?

Коснется ли твоих путей
Дыханье пальмы иль березы,
Пустыни зной иль плач дождей,
Что возместит разлуки слезы?

Зачем толпа спешит в вагоны,
И трель свистка дает сигнал
К отъезду на года, эоны?
О, если бы тогда я знал!..

18. 8. 31
Ревель

Даль полей. Снега. Вдали опять снега.
Сани лебедем несет бесшумный полоз.
Белый дым в лицо. Качается дуга.
Звонок на морозе милый женский голос.

Зачарованным острогом спят леса.
Пыль просыпет белка серебром покрова.
И зардеет на закате полоса
Горизонта нежно голубого.

Теплая рука коснется обшлага,
Ты прижмешься в шубке и шепнешь сторожко:
Я люблю зиму, и даль полей, снега,
Острый ветер в щеки, и тебя немножко!

Ревель, 1934

СВЯТКИ

На предместьи были ярки огни.
Металлический лай доносился собаки.
Человек был пьян, заклял свои дни,
Преступил межевые для совести знаки.

Горький стих слагал неловкий поэт,
Воспевая ночами закон мирозданья .
Повторяла с упором девушка — нет!
А Божественный Лик искажали страданья.

Темны, очень темны были поля,
То Большая Медведица выла ночами.
В безнадежный створ летела земля,
И дубы все качали, скрипели главами.

7. 1. 34
Ревель

РАЗЛУКА

Маленькая женщина терялась на подножке.
Поезд заграницу — на Берлин, Ганновер, Лондон...
Пестрые пальто, цветы, портпледы и конфеты.
Пассажиры, говор, суета, улыбки, слезы.
Сколько беспокойных лиц, движений, прихотию
Рока, стиснутых в купе тяжелого вагона!
Сумку с документами, билетом и дорожной
Мелочью, с Рабин-Тагором и любимым томом
Патанджали прижав подмышкой, слабо дремлет.
Рябь строчит дерев сосновых, тронутый зарею.
Глушь болотных трав, песчаный срыв на косогоре.
Мысли отдаются власти рельса и вагона.
Кончилось. Как не было ее. Забыться: кофе
Черный, крепкий пью. В квартире вечер длинный.
Мозг в дыму табачном печали поддается.
Будто брежу наяву: змеею вьется где-то поезд,
Маленькую женщину похитил мне чужой,
безвестный.

12. 6. 31
Ревель

В жизни двух, где мир был и отрада,
Надломилось счастье долгих лет.
Не спасли ни благодать обряда,
Ни любовь, ни память, ни обет.

Счастье улыбнулось, отлетело,
Ночь без сна оставило в залог...
На Голгофе распинали Тело,
Но спокоен был Отец и Бог.

Есть в пути, намеченном от века,
Страшная и четкая черта.
Строй домов. За кабаком аптека.
Неба нет. Глухая чернота.

Ревель, 1933

Туманным и теплым, покойным днем,
Под шелест ветров увяданья,
Аллею каштанов пройдем вдвоем,
Былую аллею свиданья.

Не зная источника горьких дум,
Мечтой утешаем друг друга.
А город вдогонку бросает шум
И скрежет трамвайного круга.

Нескромные песни поют в быту.
На горнее путь всем заказан.
Скамейка. Фонарь. Опуститься тут?..
В глазах ее россыпь алмаза.

Ревель, 1933

ЭЛЕГИЯ

Тупо мысли толкутся и жмутся,
Давят укором, душат узлом,
Камнем насядут — сомкнешься,
Взором ледовым подкосят,
Шилом за ребра пронзят,
Сердце не спросят —
Подашься назад,
Так и рассыпятся хохотом ночи,
Ночи бессонной, недвижной, глухой,
Ум полонящей всякой трухой.
Тянется черная — нет покороче!
Разом под сердце — и кончено все!
Бедное Богом сознанье мое...

9. 10. 29
Ревель

Я думаю столько о ней...
Вы знаете, что это значит?
В лиловом рисунке теней
Вдруг солнце моргнет и заплачет,

И птица, взлетая на ветку,
Все тот же припев оборвет,
Обижу словами соседку,
И розовый куст опадет.

И все мне вдруг станет нелюбым,
Такая приступит хандра,
Что свет мне покажется грубым
Без смысла, любви и добра.

7. 7. 30
Ревель

В ПОСЕЛКЕ НЕММЕ ПОД РЕВЕЛЕМ

Проулки темные и к ним заборы длинные.
В душистых соснах дачи спят.
Безмолвно под окном.

Огни потушены. Мечты и сны невинные
Уносят в рай и говорят
О горнем, неземном,

Где звезды Божии, в движеньи строго чинные,
Извечно блещут и горят
В сознании твоем.

11. 10. 29
Ревель

КОШМАРЫ

(Б. А. Нарциссову)

Случилось это в четверг —
Лил дождь, и ветер гнал слякоть.
Престолы некто низверг:
Обземь лишь биться и плакать.

Под гнетом давней заботы
Вошла и стала в углу,
Стесняясь робко чего-то,
Что крылья кинуло в мглу.

Ходили всякие, ждали.
Тянулся след от калош.
Наивный шелест печали
Смягчал непривычную ложь.

Смущенно прятали гроб
В цветах и в чем-то неясном,
Что складкой морщило лоб
В приличии безучастном.

Слезу тоской разрешила
В своем прозреньи душа,
И не страшила могила,
И шли все в ряд, не спеша.

Не больно было, но стыдно,
Что умер, кончился, нет...
Что горе вынуто, видно
Всем напоказ, на весь свет.

31. 10. 29
Ревель

В гололедку рыбьей чешуей
Мокрые в полях блестят дороги.
Чмокая заштопанной шлеей,
Тянут потные клячонки дроги.

Низкие, сырые облака.
Мелодичный говорок капели.
Пестрого старухина платка
На базаре краски оскудели.

Провожая поезд похорон,
Полагал, что не видать мне чуда,
И привычный ко смертям Харон
Уведет меня с собой отсюда.

Ревель, 1934

НЕДУГ

Жадно к подушке прижалась щека.
Сдало вдруг тело. В стежках одеяла
Волос налипший волной разметала.
Ноги, что лед, а на сердце тоска,
Болью крадется по жилкам виска,
Нервы сжимает, кошмаром напала,
Дрожью по мускулам рук пробежала...
Где-то под окнами мышь запищала,
В щели за ставней луна заблистала.
Вечер-то длинный, и ночь далека.
Думы стремят, что в извивах река,
Мимо текут без следа, без начала,
Бездной грозятся, а тьма глубока!
Юношу словит, сманит старика...
Бедная, милая, как ты устала,
Жизнью измучилась, робкая стала.
Спи же, родная, забудься пока:
Рока тяжелого длань нелегка —
　　Гневно откинула край одеяла,
　　Встать попыталась и тут же упала.

18. 10. 29
Ревель

Вечер на задворках хуторов.
Легкий дождь пролился в огороды.
Я сегодня не совсем здоров,
И тревожат прожитые годы...
Много их, иль кажется то мне:
Волос я седой с утра заметил!
Но я радуюсь опять весне,
Девушке, что на обрыве встретил,
Вечеру на хуторе, дождю,
Яркой зелени на огороде,
Говору людей, и не дождусь
Отпуска и отдыха в природе.

19. 7. 31
Ревель

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Задумчиво пальцем, в сердечной тоске,
    Чертила одна ты на пляже
Какие-то буквы в прибрежном песке.
    И чертишь, и водишь, и вместе их вяжешь...

Ревель — Тюрисаль
18. 6. 31

ПРИЗНАНИЕ

(Посв. М. Роос)

Седые туманы повисли
На ломком сучке сосны.
А мысли, бедные мысли,
И странные такие сны —
Ворожат и водят, плутуют...

В Троичных ризах бор.
Там птицы поют Трисвятую,
И слезы падают на ковер
Из черники, гнили и мхов —
Не слезы, а дождь от Бога.
Ты не искала слов,
А спросила робко и строго,
Шепотом благонравным:
«Скажите о самом главном!»

Ревель-Немме, 1934
«НОВЬ» 7

Я рад, дышу, я вновь влагаю стих
И слышу трепет легких восхищений.
В ленивый сумрак месяцев глухих
Влетаешь ты опять, мой дивный гений,
Сознанье будишь шумом звонких крыл,
Торопишь ум и балуешь забавно,
На чувства льешь притоки новых сил
И дух дерзаньем дразнишь своенравно.

12. 9. 29
Ревель

ПАМЯТИ Е. С.

В покое встревожена, с радостным взором,
Прелестная в трепете вспыхнувших щек,
Пытаешь ты ласку укрыть разговором,
Протянешь чуть руку, уронишь платок,
Нагнешься в движеньи уклончиво скором,
Заглянешь с надеждою в самый исток,
Где чувства пылают лукавым задором,
И, тайные мысли читая с укором,
Смеясь, мне отводишь души уголок.

15. 10. 29
Ревель

ОСЕНЬЮ

Утром рано выйди в поле:
По кустам туманы спят,
Пенья птиц не слышно боле,
Перед зимнею неволей
Только травы шелестят.

Блещут лужи, застывая.
Приморозилась земля.
Капли осени сбирая,
В листопаде вся рябая,
Пролегает колея.

Свежий воздух — вкусный, пряный
Дразнит ноздри, будит грудь...
Ты идешь, восторгом пьяный,
Все вперед, в поля, в туманы,
Где наметился твой путь.

18. 9. 29
Ревель

РАДОСТЬ

Радость свободы, простора и воздуха моря!
Радость безумия! Радость экстаза!
Мука и радость бездонности муки и горя,
Радость упиться борьбой до отказа,
Кинуться грудью на ветер, обняться с волной,
В пене исчезнуть и стать вдруг иной,
Сильной, здоровой и вновь молодой!

12. 8. 30
Ревель — Тюрисаль

Осенью поржавел тихий пруд.
Лебеди в лиловом спят тумане.
Песни проходимца не умрут:
Их повторят в первом ресторане.

Листья заглушат мои шаги.
Бурей обнаженные деревья
Подчеркнут, что хладны очаги,
Беден путь, и далеки кочевья.

Добреду до фонаря, скамьи —
Ночь поверит россказням былого
И на бедственные сны мои
Кинет ободряющее слово.

1934
Ревель-Кадриорг
«НОВЬ» 6 ко Дню Русской Культуры

ОСЕНЬ

Морозцем первым ранней осени
Листы подернулись, заморщились, дрожат,
Где ветром сорваны, побросаны,
По следу катятся, по лужам трепещат,
И тени странные, игривые
Кидает ночь на сосны, вереск и песок,
И диск луны, бледнея, кривится,
И слышен поезда пронзительный свисток.
А в сердце бьется робко, сладостно
Тревоги новой неудержная волна,
И дух уносит в строе благостном
Осенних легких дум лесная тишина.

16. 9. 29
Ревель

ЗИМА

Заснежёны болота. Все та же вечерняя птица
Оживляет закат утомленными взмахами крыл.
Беспокойно на сердце, болит и томится,
Обессилено мыслью: ушел и забыл!

Прибежала на лыжах. Откинула палки. Вдыхаю!
От мороза лицо все горит — не от боли в груди.
Я потерю его, так и быть, принимаю.
Пеленою искрятся снега впереди.

Неподвижны замшенные сосны. Стволы
и сугробы.
И так тихо. Ни ветра, ни хруста. Ни красок —
бело.
Отпущу без надрыва, обмана и злобы.
Наконец, я разумна!.. Но счастье... ушло!

18, 2. 31
Ревель-Немме

Чернее туч в осенний темный вечер
Набились думы горькою толпой.
Их долго гнал бездольным полем ветер,
С высот срывая в прихоти слепой.
Та ночь болот под совий зов унылый
И боль в груди с каких-то давних пор
Их навела на край пустой могилы,
Холодным зевом рекшей приговор.
Скрипит весь дом, снаружи дождь и мгла.
Сгрудилась ночь, намокшая, густая,
И свет души чуть меркнет, угасая
В желаньи страстном ласки и тепла.

9. 10. 29 — 16.00

ИНТЕРМЕЦЦО

Ты мелькнула над постелью
И в поблекшие глаза,
В сердца брошенную келью
Заглянула, и слеза
Омочила след тревожный
На синеющих устах.
Я ж низвергнутый, безбожный,
Забывая ложный страх,
Признавался, невозможный,
В изумительных мечтах.
Ты склонилась к изголовью
Без упрека и суда
И смирила бред любовью
Всепрощающего да.

11. 8. 30
Ревель — в омнибусе.

Помню, родная, мне помнится все.
Слово, нежданно слетевшее с уст,
Помню, как сердце забилось мое
Вспышкой досель неизведанных чувств.

Сдержан и робок был брошенный взгляд
С белой фуражки на грудь, на эфес...
Ночи на юге пожаром горят!
Звездною чернью прикинется бес.

Сам не поверил, что смело сказал.
В мыслях мелькнуло: испорчено все!
Ангел у Бога в скрижаль записал,
Сердце как билось — твое и мое!

28. 10. 31
Ревель

Ветер вьется, ветер гонит
Лист увядший в колее,
Над прогалиной застонет,
В бор ворвется и наклонит
Ель мохнатую к земле,

А, за тучей пробегая,
Вдруг обмолвится с дождем:
Капля брызнет налитая,
И подымется вдруг стая
Галок шумных за бугром.

От болот всползут туманы,
Чуть повиснут на плетне
И чрез поле и поляны
Увлекут невольно в страны,
Что бывают лишь во сне.

Край ты бедный, бедный вечер
Тускло прожитого дня...
Что за радость жить на свете:
Дождь в глаза и в губы ветер
Ополчились на меня.

26. 10. 29
Ревель

Ты не придешь меня встречать
В обычный час вечернего заката.
Напрасно взгляд мой станет ждать
Платочком взмах за домиком у ската.

Как я любил, когда вдали,
Рукой махнув, бежишь ты мне навстречу,
Возникнув будто из земли,
Боясь, что я порыва не замечу.

Иду, миную хутора,
Слежу за ласточкой привычным взглядом,
И вижу наши вечера,
Когда за книгой мы сидели рядом,

Любители иль знатоки,
Но без огня и трепета желаний.
Вот домик, скат и лепестки
Увядших роз колеблет вечер ранний.

На запад тянут облака,
И горизонт весь в розовой пастели.
Ты руку тронула слегка,
Когда за книгой рядом мы сидели.

22. 8. 31
Ревель

ДОМАШНИЙ МИР

(Е. С.)

Последний разговор с тобою вспоминая,
Я вижу круглый стол, стакан простывший чая,
От лампы на цепях уютный льется свет
На лист исписанный, на ворохи газет.
Я слышу голос твой, уверенный и ровный.
Случайной выдержкой нарушив твой покой,
Я вызвал легкий спор, пусть шуточный, условный,
Но, мило оживясь, решали мы с тобой
Проблемы наших дней на сцене мировой:
Машинный гон труда, раскол в семье, в быту,
Расчет и рацио, убившие мечту.
Мы спорили о Боге, множестве богов,
О церкви загнанной, без преданных жрецов.
Мне было дорого, что ты, свой лик склоня,
Едва ли понимая, слушала меня.

1. 11. 29
Ревель

ОСЕНЬ

Так уходи! — я бросил ей вчера...
А в небе журавли: «пора! пора!»

Ощерились поля скирдами ржи,
И брызнули дожди в плетни, межи.

Сойду в овраг за горечью листа
В знакомые и старые места.

Коснусь стеблей рассеянной рукой —
На всем хиреющем такой покой.

Меня вспугнули сильные слова:
Я жуть их смысла сознавал едва.

Бедняжка нервно комкала платок,
Но я вернуть ее не мог, не мог!

20. 8. 31
Ревель

А в осень придут холода,
И птицы взметнутся крылами,
И ветер умчит без следа,
Что стенкою стало меж нами.

За лесом, в болотах, в ночи
Услышу призыв отдаленный.
О щит мой ударят мечи,
Паду я, тобою сраженный.

Чудесным предстанет твой взгляд.
Для жатвы земных впечатлений,
И песни на струны слетят,
Предчувствуя холод осенний.

8. 7. 30

Не подходи, не подходи! —
Ты крикнула в испуге,
И боль знакомая в груди
Умчала мысли в круге.

Вот миг, и вспыхнуло лицо
Зарей над темной бровью.
Над бездной унеслось кольцо,
Светившее любовью.

Лишь взмах, и оборвется нить,
Связующая судьбы.
Еще борьба в душе — простить
И где-нибудь уснуть бы...

5. 6. 31
Ревель

Цветы осенние на письменном столе,
Как знак сочувствия, иль шутка кавалера?
Что вам в дрожании росинки на стебле?
Ответит сердце вам, иль логика, иль вера?

Простите женщину, ее немой протест.
Ведь, символы любви — и розы и лилеи —
Вы благостны, как дар и как галантный жест,
Но холодны венки и жутки юбилеи.

Сегодня бы не думать, убежать в леса,
Любимому шепнуть, как чудно все на свете!
О, если бы забыть, что спицей колеса
Я снова завертусь, и снова я в ответе.

Цветы засохшие в листах любимых книг,
Вы будите во мне застывшую тревогу.
Смутилась я, но только на короткий миг.
Сижу пред зеркалом: ушел, и слава Богу!

23. 9. 31
Ревель

ОДИНОЧЕСТВО

Слоняюсь в комнатах квартиры опустелой,
Питая память рокотом речей,
Навеянных надеждою несмелой
И видом впопыхах забытых мелочей.
На письменном столе платок, катушка ниток,
Там зеркало, свидетель и хладный и немой.
Вповалку книги, поручений свиток,
Сирень увядшая, любимою рукой
Поставленная в воду... Сердце в перебой
То затрепещет, словно птица,
То робко притаится
И снова заведет давно забытый бред...
Увы, мечте несдержанной неисцелимый вред
Разлукой нанесен.
О, если бы все это сон!..
С начала самого — больной, неровный сон!

15. 6. 31

Поздние стихи

(1979)

ПЕТЕРБУРГ

Мне снится в розовой пастели
Петровский шпиль над ширью вод,
Фасады легкие Растрелли
И в полдень гвардии развод.

На Невском звонкий гон трамвая,
Народной массы суета,
И музыка вдруг полковая,
И блеск витрин и пестрота

Одежд и форм и дамской моды,
И разноречье языка,
И бедность северной природы
На пляже финского песка.

Мне снится гул аудиторий,
Студентов шумная семья,
Принципиальных взглядов споры,
Мне снится молодость моя.

Проходят дни, и с ними годы,
Что мы скитаемся вразброд
И делим беженства невзгоды
В чужой земле у чуждых вод.

Мне снится вид былой столицы
И небо серое над ней.
Там в высях тянут вереницы
Счастливой юности моей.

Геттинген, 1979.
В газ. «Русская Мысль» 19. 7. 79

МОСКВА

Я читать научился у няньки моей,
И читал не букварь, а газеты,
На полу растянувшись, что папочный змей,
Не умыт и еще не одетый.

Мы в Москве тогда жили, где в Каменный Брод
Мимо дома тянулись обозы,
На работу спешил там фабричный народ
И с весенним теплом и в морозы.

Как апрельское солнце растопит весь снег,
И киоск оживит тротуары,
Возвестит о весне дружный грохот телег,
Детвора побежит на бульвары.

Там катают пасхальные яйца, и крик
По дорожкам стоит молодежи,
Улыбнется, на лавочке сидя, старик,
И замедлит свой шаг всяк прохожий.

Над Кремлем и над всей златоглавой Москвой
И плывут и гудят перезвоны,
Будто эхо и плач старины вековой,
Отдаленной татарщины стоны.

В кумачевой расцветке рубах и платков
Светлый Праздник справляет столица.
От наплыва всех чувств и всех звуков и слов
Даже камень и тот умилится.

Геттинген, 1979

НА ВОЛГЕ

Мы под Симбирском в деревнях живали,
Где Волга ширью на версту текла,
Где ночи часто беглых укрывали,
Где медом пахла бурая смола.

Как снег сойдет, и зверь в лесу проснется,
На отмели полезет талый лед,
И Волга, будто море, разольется,
Всплывет за Костромой и первый плот.

Бурлит вода, под бревнами сверкая,
На стрежень Волги вынося стволы
Сосны и ели северного края
С Уральских гор, с неведомой скалы.

Здесь Святослав свершал свои походы,
Здесь грабил села дикий Пугачев,
Здесь Стенька Разин кинул в буйны воды
Красавицу под песни удальцов...

Здесь протекало детство наше, годы
До грозной вспышки роковой войны,
Когда призывы ратных и невзгоды
Коснулись Волги и ее волны.

Мы на плотах рыбачили, удили,
В удачный час ловили осетра,
Огни ночные в поле разводили,
Уху варили, лежа у костра.

Над нами звезды редкие мерцали,
Бесшумно шла могучая река,
И нас влекла в неведомые дали,
За поле, бор, за Волги берега...

Геттинген, 1979

АЛЕЧ-ГЛЕТЧЕР С МАССИВА ГОРЫ ЮНГФРАУ

Со скал горы ползет гигантский змей,
Вгрызается в гранит и в пласт кремневый,
Не подчинен закону звезд и дней,
И каждый день течет извечно новый.

Азалий алый склон и остов кедра
Хранят его бесшумный сдвиг в теснину,
Где человек буравит сталью недра
И дачами украсил всю долину.

Вдали швейцарских городков с флажками,
Народным стилем, парой ресторанов,
С туристами в кафе и школярами,
Вдали вокзалов, пыли и туманов.

Здесь на горе все только голь да скалы,
И редко суслик вскочит из норы,
Иль дровосек, с мешком, пройдет усталый,
Спускаясь в дол с оснеженной горы.

Как высоко! Здесь ангелы летают
В лазурной славе легких облаков,
Рождаются и над пустыней тают
Молитвой тайною без дум и слов.

Геттинген, 1979

ВЕЧЕР В МАЛЕНТЕ

(Посв. М. Иртель)

Душистым вечером, когда бульвары
Пустеть начнут, и публика займет
Все столики в кафе, наполнит бары,
Газету с вешалки, журнал возьмет,

Прослушает пластинку, поскучает
И к пристани, на озеро пройдет,
Где палевое небо возвещает
Наутро вновь безоблачный восход.

На пляже пусто. Две скамейки заняты:
Влюбленных парочка в обнимку дремлет
Под старым буком в сени темноты,
И плеску волн вечерних внемлет;

Да старичок, на палку опершись, следит,
Как лебедь против волн плывет, качаясь,
Как озеро за ним смыкается, блестит,
В лучах зари с ним в целое сливаясь.

Какие краски!.. Взлеты птиц багровых
С растопленным играют янтарем,
А тени облаков темнолиловых
Им служат ввысь вознесенным алтарем.

Геттинген, 1979

У ОЗЕРА МАЛЕНТЕ

(Посв. М. И.)

Посиди со мной и помолчи...
Вечер этот, может быть, последний!
Как балуют нас дремотой летней
Солнца предзакатные лучи!

Золотом и пурпуром зари
Вспыхнуло все небо за домами —
Дивная пастель! Ты посмотри:
Тучи разбегаются холмами,

Тени кинув на заснувший брег,
Гладь воды и лодки и купальни.
Не тревожит нас ни рокот дальний
Голосов, ни мотоциклов бег.

Тихо стало близ воды ночной.
Нам не надо слов: мы сердцем слышим
Голос двух: так посиди со мной!
Голос твой и мой — мы этим дышим.

Геттинген, 15. 6. 79

ОГЛАВЛЕНИЕ

Поздние стихи (1979)

Imprimerie P.I.U.F., 3, rue du Sabot, Paris